

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
Материалы круглого стола «Древности Нижнего
Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского
могильника»**

**№ 2
2019**

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдиков

Ответственный редакторы:

канд. ист. наук С.В. Кузьминых, канд. ист. наук А.А. Чижевский

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова**Редакционный совет:**

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.** д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Обыденнов М.Ф.**, д.и.н. (Уфа); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com<https://www.evrazstep.ru>

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

No 2 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Candidate of Historical Sciences **Sergei V. Kuzminykh**,
candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocarui Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydenov Michael F.**, Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Древности эпохи поздней бронзы

Усачук А.Н. (<i>Донецк, Украина</i>), Бахшиев И.И. (<i>Уфа, Россия</i>) Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья	10
Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Морозов В.В. , Азаров Е.С. (<i>Москва, Россия</i>) Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межов- ской культур в Нижнем Прикамье	38
Чижевский А.А. , Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры	99
Чижевский А.А. , Галимова М.Ш. , Губайдуллина А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.)	124
Шипилов А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Кузькинская XVII стоянка (атрибуция и хронология)	165

Проблемы изучения раннего железного века

Новиков А.В. (<i>Кострома, Россия</i>) Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов	179
Овсянников В.В. , Савельев Н.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Воинское святилище на Акбердинском II городище	201
Черных Е.М. (<i>Ижевск, Россия</i>) К 120-летию начала исследований Зуевского (Зуевоключевского I) могильника	227
Оруджов Э.И. (<i>Казань, Россия</i>), Глушков К.Н. (<i>Киров, Россия</i>) Чижевское (Марьин кокош- ник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг.	246
Перескоков М.Л. (<i>Пермь, Россия</i>) Ананьинский комплекс Мокинского поселения-могильника	259

История археологии

Воробьёва С.Л. (<i>Уфа, Россия</i>) Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований	268
Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) М.Г. Худяков: из неизданного при жизни	292
Резолюция по итогам заседания круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» г. Елабуга, 23–25 мая 2018 г.	306
Список сокращений	307

CONTENTS

Foreword	6
-----------------------	---

Antiquities of the Late Bronze Age

Usachuk A.N. (<i>Donetsk, Ukraine</i>), Bakhshiyev I.I. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Use of Domestic Animal Astragals in the Settlements of the Late Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals	10
Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Morozov V.V. , Azarov E.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Lugovskaya I and II Sites and the Issue of the Interaction of Cherkaskulskaya, Lugovaya and Mezhovskaya Cultures in the Lower Kama Region	38
Chizhevsky A.A. , Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Early (Atabaevo) Stage of Maklashevo Culture	99
Chizhevsky A.A. , Galimova M.Sh. , Gubaidullina A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kazanskaya Site (On the Basis of 1938 Study Materials)	124
Shipilov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kuzkinskaya 17 Site (Attribution and Chronology)	165

Problems of Studying the Early Iron Age

Novikov A.V. (<i>Kostroma, Russian Federation</i>) Current Issues of Studying Early Iron Age Settlements in Eastern Area of the Upper Volga Basin (Kostroma and Ivanovo Volga Regions). Presentation of the Issues	179
Ovsyannikov V.V. , Savelyev N.S. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Military Sanctuary in Akberdino II Settlement	201
Chernykh E. M. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) 120th Anniversary of The Study of Zuevsky (Zuevoklyuchevsky I) Burial Ground	227
Orudzhov E.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Glushkov K.N. (<i>Kirov, Russian Federation</i>) “Chizhevskoye (Maryin Kokoshnik) Settlement”. Results of Archaeological Studies in 2017-2018	246
Pereskokov M.L. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Ananyino Complex of Mokinsky Settlement and Burial Ground	259

History of Archaeology

Vorobyeva S.L. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Forest-Steppe Part of Southern Urals in Early Iron Period: history of studying the issue and research prospects	268
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) M.G. Hudyakov: from unpublished during lifetime	292
Resolution following the results of a roundtable meeting "The Antiquities of the Lower Kama Region and the 160th Anniversary of the Archaeological Study of Ananyino Burial Mound", Elabuga, May 23-25, 2018.	306
List of Abbreviations	307

УДК 902/904

ВОИНСКОЕ СВАТИЛИЩЕ НА АКБЕРДИНСКОМ II ГОРОДИЩЕ

© 2019 г. В.В. Овсянников, Н.С. Савельев

В статье впервые публикуются материалы исследований 2017 года Акбердинского II городища кара-абызской культуры, расположенного на правом берегу р. Белой. В небольшом раскопе в культурном слое на площадке городища зафиксированы остатки святилища с предметами вооружения. В комплекс святилища входят две столбовые ямки, разрушенная каменная конструкция, два меча: савроматского и «ханьского» типа; железный чекан аржанского типа и бронзовая статуэтка птицы.

По характеру культурного слоя, в котором залежали остатки святилища и по наиболее позднему предмету («ханьскому» мечу) из состава святилища период его функционирования можно определить рубежом эр.

Святилище интерпретируется как воинское, использовавшееся недолгий период времени и уничтоженное намеренно в ритуальных целях. Данный ритуал находит близкие параллели в скифском обряде поклонения древнему мечу, описанному Геродотом.

Ключевые слова: Западное Приуралье, Прибелье, кара-абызская культура, воинское святилище, городище, чекан, меч.

Акбердинское II городище известно с 1985 года, однако полевые исследования были начаты лишь через 20 лет после его открытия (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 8–10). Уже первые работы на памятнике показали его исключительную значимость. Мощность и насыщенность культурного слоя позволяют ставить это поселение в один ряд с такими опорными памятниками кара-абызской культуры как Охлебининское II, Шиповское, Кара-Абызское и Биктимировское городища. Вероятно, Акбердинское II городище являлось одним из «родоплеменных» центров кара-абызской культуры, о чем свидетельствуют окружающие его некрополи (Акбердинские и Нагаевские курганы) и сезонные селища (не менее 15). Его специфика также и в том, что все известные некрополи, входящие в округу городища – курганные, что для кара-абызской культуры не характерно, если не брать во внимание курганно-грунтовый Шиповский могильник. Результаты исследований этого интересного памятника стали публиковаться сравнительно недавно (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 11–12; Савельев, Овсянников, Курманов, 2017). Данная работа посвящена публикации материалов исследований 2017 года.

Общие сведения

Акбердинское II городище расположено в 20 км к юго-востоку от г. Уфа, на мысу коренной террасы правого берега р. Белая, высотой около 60 м. От террасы мыс отделен глубокими балками сезонных водотоков. Площадка городища и весь край террасы

покрыты лиственным лесом (клен, осина, кустарниковые). Под площадкой городища находится широкая пойма (около 10×4 км), образованная излучиной р. Белая, в 1,5 км от ее западного края. В пойме расположено несколько старичных озер, количество и размеры которых изменяются в зависимости от степени сезонной влажности. До сих пор довольно четко фиксируется тропа, которая идет с террасы, проходит через весь мыс и спускается в пойму. Вероятно, спуск к подножию городища существовал и в древности. С основного русла реки площадка городища не просматривается, так же, как и русло р. Белая с городища.

Фортификационные сооружения представлены остатками двух неглубоких (не более 0,2–0,3 м) рвов. Один из них, внутренний, пересекает мыс в 50 м от его стрелки. Его длина 80 м, ширина 4 м. На расстоянии 170 м от него расположен внешний ров (длина 90 м, ширина 3 м). Эти сооружения, вкупе со склонами мыса, ограничивают площадку размером 170×60–70 м (около 11000 м²), которая и является центром поселения. Здесь сосредоточен наиболее мощный и насыщенный культурный слой (рис. 1).

С напольной стороны к внешнему рву примыкает естественная вытянутая по оси мыса возвышенность. Это препятствие, преграждавшее путь на мыс, в древности с северо-восточной стороны было эскарпировано. Вероятно, здесь находился проход на городище в период его существования, здесь же идет и современная тропа.

Непосредственно к укрепленной части городища примыкают две площадки, где также фиксируется культурный слой. Первая из них расположена с напольной стороны от эскарпированной возвышенности. Здесь при осмотре памятника (2005 г.) фиксировались ямы, из которых садоводы ближайших дачных кооперативов добывали чернозем. В этих ямах была найдена керамика. Культурный слой, фиксируемый в ямах, не превышал 0,3 м. Точные размеры этой площадки пока не установлены (судя по топографии – не менее 130×100 м).

Вторая площадка (выявлена в 2017 г.) непосредственно примыкает к укрепленной части с северо-востока. Топографически эта часть поселения является своеобразной нижней ступенькой коренной террасы, примыкающей к основной части мыса. Она расположена на 2–3 м ниже укрепленной части поселения. Её размеры около 100×180 м, ограничена с востока глубоким оврагом с протекающим в нем ручьем. Прослеженная мощность культурного слоя по береговому обрыву – не более 0,2 м, находки встречаются по всей поверхности данной площадки.

История исследования

Городище выявлено Г.Н. Гарустовичем в 1985 году (Памятники археологии..., 1988. № 243, с. 61). Несмотря на то, что памятник находился в удовлетворительном состоянии, подъемный материал был получен весьма представительный (керамика кара-абызского и имендешевского типов). Данное обстоятельство объясняется тем, что у юго-западного склона мыса располагалась колония крупных животных – землероев, чьи выбросы из нор содержали значительное количество культурных остатков.

В 2005 г. разведочным отрядом ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В.В. Овсянникова на городище в пределах укрепленной части поселения, в непосредственной близости от нор был заложен шурф размером 2×2 м. Также был собран значительный подъемный материал, состоящий, кроме керамики, из металлических и костяных изделий. Судя по выбросам из нор, последние были устроены в насыщенном золой грунте. Данное обстоятельство и определило выбор места шурфовки.

В шурфе 2005 года был зафиксирован культурный слой мощностью более 1,5 м, найдено 614 фрагментов керамики, а также

глиняные, костяные и металлические изделия. В керамическом комплексе выделено 4 основных культурные группы: кара-абызская, позднеананьинская (шнуровая), гафурийская и убаларская. Значительная часть полученной коллекции имела смешанные черты. На основании материалов 2005 года был сделан вывод, что поселение относится к кара-абызской культуре и возникло III–II вв. до н.э., на втором хронологическом этапе культуры по А.Х. Пшеничнюку (Пшеничнюк, 1993, с. 40).

В 2016 году шурф 2005 года был частично расконсервирован и из его северной стенки взяты образцы для палинологического анализа. Это позволило выделить пять этапов природно-климатической ситуации в период функционирования поселения (Савельев, Овсянников, Курманов, 2017).

Ко времени основания поселения относится существование смешанных хвойно-лиственных лесов, что соответствует умеренно-влажному климату. Этому периоду соответствует керамический материал классического кара-абызского типа (ямочная орнаментация, лощение поверхности сосудов и примесь раковины в глине (Пшеничнюк, 1973, с. 198).

Второй этап связан с увеличением открытых луговых пространств и увеличением антропогенной нагрузки на ландшафт. Эти данные говорят о постепенном усущении климата и возрастании населения. Количество культурных остатков на этом этапе значительно увеличивается. Совместно с кара-абызской керамикой встречаются образцы гафурийского типа с примесью талька в тесте. Это позволяет определять дату второго этапа в пределах IV–III вв. до н.э., что согласуется с наиболее ранними материалами, происходящими из Акбердинских курганов (Савельев, 2010). Этот период связан с проникновением в лесостепное Прибелье носителей раннесарматских традиций, что привело к формированию гафурийского культурного типа (Савельев, Яблонский, 2014). На этом же этапе прослеживается и довольно быстрое изживание значительной части гафурийских керамических традиций.

Третий этап жизни поселения связан с уменьшением доли древесной и увеличением синантропной растительности. Именно на этом этапе фиксируется слой каштановой супеси, связанный с пиком аридизации климата в лесостепной зоне. Керамический комплекс

в этот период также испытывает резкие изменения. Классическая кара-абызская керамика практически исчезает, её сменяют в основном неорнаментированные сосуды с примесью песка с раковинной или только с песком. Этот этап иллюстрирует появление в данном микрорайоне носителей убаларских керамических традиций и их постепенное доминирование в составе населения Акбердинского II городища. Появление в кара-абызских памятниках шиповско-охлебининской группы убаларской керамики относится ко II в. до н.э. (Пшеничнюк, 1973, с. 206) или немного более раннему времени. Таким образом, этот этап жизни поселения можно отнести к периоду III–II вв. до н.э. Он связан с динамичной сменой ведущей культурной традиции: от кара-абызской через гафурийскую к убаларской. Фиксируемый приток нового (убаларского) населения вызван резкими экологическими изменениями в регионе. Это привело к значительным этнокультурным трансформациям, изменению хозяйства и системы расселения кара-абызского населения среднего течения р. Белая (Бахшиев, Савельев, 2013).

Четвертый и пятый этапы иллюстрируются постоянным увеличением древесной и уменьшением травянистой растительности, что говорит о постепенном увлажнении климата. Количество культурных остатков снижается в три раза. Все они соотносятся с убаларской (или, точнее – с убаларско-кара-абызской) керамической традицией. Этот период связан с постепенным уменьшением населения и последующим забрасыванием площадки поселения. Нижнюю дату этого этапа можно отнести к I в. до н.э., верхняя дата пока точно не определена, но укладывается в первые века н.э.

Таким образом, данные шурфа 2005 года позволили прийти к следующим выводам. Городище было основано в пределах IV в. до н.э. – накануне появления в регионе оседающих кочевников – носителей гафурийского типа. Об этом в частности, говорит практически полное отсутствие керамики раннекара-абызского типа, которая датируется V–IV вв. до н.э. (Овсянников, 2014, с. 311). В IV–III вв. до н.э. на городище фиксируется появление инокультурного населения. С этим периодом, вероятно, связано возникновение рядом расположенных Акбердинских и Нагаевских курганов (Овсянников, 1995). В условиях ухудшения климатических условий и

притока нового населения происходит смена культурной парадигмы на памятнике. Последний период жизни этого городища связан с постепенным уменьшением населения и увлажнением климата.

В 2016 году в отдел археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН были переданы два железных меча, железный чекан и бронзовая фигурка птицы. Из объяснений находчика¹ стало ясно, что комплекс вещей происходит с площадки Акбердинского II городища, возле которого находится дачный кооператив. Вещи были найдены возле тропы, ведущей к подножью террасы. Помимо вещей, находчик передал фотографии находок в земле и указал авторам статьи точное место их нахождения. Также в качестве ориентира им был указан камень в выкопанной яме, который остался непотревоженным (рис. 2).

Описание раскопа 2017 года

Летом следующего года на указанном месте был заложен раскоп размером 4×1,8 м, ориентированный длинными стенками по линии восток-запад. Раскоп располагался у северо-восточного склона мыса, на краю центральной укрепленной площадки городища, с противоположной стороны от шурфа 2005 года. Ниже места закладки раскопа 2017 года к основной мысовой площадке городища примыкает описанная выше площадка селища. Раскоп был разбит на два квадрата с бровкой между ними. Выявлена следующая стратиграфия: дерн отсутствовал, сверху залегал слой гумуса (0,3 м), далее – слой гумусированного суглинка (0,15 м), под ним – предматериковый темно-коричневый суглинок. В центральной части южной стенки на глубине 0,2 м (на границе гумуса и суглинка) зафиксирована линза золистой супеси мощностью 0,1 м. Эта линза также фиксировалась на противоположной стенке бровки, её размеры в раскопе 0,4×0,2 м (рис. 4).

В нижней части гумусного слоя, на границе с суглинком были зафиксированы крупные плиты известняка с рваными краями. Та из них, которая являлась ориентиром для определения места находок металлических предметов, была наиболее крупная. Её размеры 31×23 см, имеет подпрямоугольную форму, верх камня находится на глубине 17–20 см от современной поверхности. Подобную форму имеют еще два камня, их размеры значительно меньше (20×20 см). Два камня неправиль-

¹ Находчик пожелал остаться неизвестным.

ной формы, с рваными краями, размером 24×18 см, еще два – окатанные, также неправильной формы, размером 15×15 см. Все камни расположены компактно, без какой либо системы (рис. 3). Создается впечатление, что это остатки некой разрушенной конструкции – вымостки или обкладки столба (?).

При зачистке на уровне материка выявлены две столбовые (?) ямы. Яма 1 – овальной в плане формы, расположена на границе квадратов, под бровкой. Её размеры – 20×28 см, глубина от уровня материка 30 см, находки отсутствуют. Яма 2 находилась восточнее первой, в центре между камней. Она округлой формы, диаметром 20 см, также заглублена в материк на 30 см. При вскрытии ямы сделаны многочисленные находки, в т.ч. фрагменты керамики и каменные орудия, которые, вероятно, использовались в качестве забутовки.

Индивидуальные находки из раскопа

Из раскопа происходит два бронзовых наконечника стрел, найденных на горизонтах 2 и 3 (рис. 5: 6–7). Оба наконечника трехлопастные, с внутренней втулкой и вытянутой треугольной формой головки. Подобные экземпляры могут быть датированы как IV–II вв. до н.э., так и, учитывая их широкое распространение в кара-абызской среде, III–II вв. до н.э. Также найдено три железных наконечника стрел. Один – на поверхности рядом с раскопом (рис. 5: 9; 6: 3), второй – на третьем горизонте (рис. 5: 8), оба относятся к типу черешковых трехлопастных. Третий найден на поверхности «посада» городища, к востоку от раскопа (рис. 6: 2). Пирамидальная форма пера и небольшие размеры наконечников позволяют их отнести к самому началу периода появления подобных изделий (II–I вв. до н.э.), когда нередким было сочетание железных и бронзовых наконечников в одном колчанном наборе.

Этим датам не противоречит и находка фрагмента бронзовой пластины со спиралевидным орнаментом (рис. 5: 1; 6: 1). Подобное украшение происходит из погребения 39 Биктимировского I могильника, набор инвентаря которого можно датировать III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1964, рис. 3: 8).

Остальные металлические, костяные и каменные изделия, найденные в раскопе, бытуют весь период существования кара-абызской культуры. Среди них необходимо отметить сделанную из зеркала (?) крупную трапециевидную подвеску (рис. 5: 2; 6: 4), многочис-

ленные альчики, в том числе с просверленными отверстиями и различными нарезками (рис. 5: 14–16), а также орнаментированные пряслица (рис. 5: 10–12). Показательно, что как пряслица, так и альчики встречались в основном вокруг центральной площадки, где были найдены мечи и расчищены столбовые ямы (рис. 4). Еще более ярко эта закономерность прослеживается на различных каменных орудиях (терочники, ложила и пр.) и очажных камнях. Они встречаются только у восточного края раскопа, т.е. над краем склона городищенского мыса (3 экз.) и в заполнении ямы 2 (7 экз.). Это свидетельствует об избирательном характере нахождения отдельных вещей в центральной части раскопа 2017 г.

Керамический комплекс (общие данные)

Всего из раскопа 2017 г. происходит 998 фрагментов керамики, из них горизонт 1 – 535, горизонт 2 – 253, горизонт 3 – 126, под камнями – 32, из ямы 2 – 52. Вся керамика относится к различным типам и вариантам кара-абызской культуры (собственно кара-абызский, гафурийский, убаларский), однако в связи с высоким процентом смешанности (рис. 7: 3–8), проявляющимся как в орнаментах, так и в формах, подсчеты велись исключительно по хорошо различимым технологическим группам (сериям)². Выделяются группы Т (талък, талък-раковина – гафурийские традиции), Р (раковина, раковина-органика, раковина-органика-шамот, раковина-шамот – кара-абызские традиции), П (песок, песок-шамот, песок-шамот-органика – убаларские традиции) и М/микс (раковина-песок, песок-шамот-раковина, раковина-песок-органика, песок-шамот-раковина-органика). В последней группе количество песка и раковины в каждом конкретном фрагменте может сильно варьировать, т.е. она является смешанной. Отношение групп в пределах горизонтов очень сильно различается (рис. 8).

На начальном этапе освоения данной площадки городища к группе Р отнесено 48,4% фрагментов, к группе П – 16,7%, к смешанной группе М – 34,9%. На втором горизонте группа Р снижается до 30,8%, группа П остается неизменной (15,4%), группа М увеличивается до 49,8%, появляется группа Т (4%). На первом горизонте немного увеличивается

² Определение примесей проводилось индивидуально для каждого фрагмента керамики при 12–кратном увеличении.

группа Р (до 37,8%), в два раза увеличивается группа П (до 31,8%) резко падает группа М (до 29,9%), группа Т практически исчезает (0,6%). Таким образом, процент керамики убаларской традиции, присутствовавшей уже на начальном этапе освоения данной площадки, значительно (в 2 раза) возрос к финалу накопления культурных отложений и произошло это за счет незначительного снижения кара-абызской и смешанной традиций (соотв. – на 10 и 5%).

Анализ двух условно закрытых комплексов (яма 2 и керамика под камнями) показывает ряд очень важных для реконструкции выявленного святилища моментов. Во-первых, керамика под камнями полностью соответствует процентному соотношению керамического комплекса, происходящего с горизонта 3 (рис. 8: 7), т.е. камни были уложены на нетронутую поверхность, соответствующую границе горизонтов 2 и 3. Во-вторых, керамика из ямы 2 по показателям групп Т и Р близка горизонту 2, по группам П и М – горизонту 3 (рис. 8: 7, 8). Это может свидетельствовать о том, что яма 2 была выкопана с уровня второго горизонта (не выше границы горизонтов 2 и 1). Расположение камней вокруг ямы однозначно свидетельствует об их связанности. Поэтому залегание камней на 10–20 см ниже уровня, с которого была выкопана яма, может говорить только об удалении поверхностного слоя грунта на площадке святилища, во всяком случае – вокруг центрального столба (яма 2).

Последний важный момент, который хорошо виден при анализе керамического комплекса – эволюционность и внутренняя взаимосвязанность изменений как от горизонта 3 к горизонту 2, так и от горизонта 2 к горизонту 1. Какие-либо археологически фиксируемые смены населения или резкие изменения технологических традиций не фиксируются, т.е. после руинирования святилища данная площадка была постепенно перекрыта культурными отложениями.

В целом облик керамического материала 1–2 горизонтов раскопа 2017 г. соответствует концу третьего этапа жизни поселения, выделенного на материалах шурфа 2005 г. (см. выше).

Комплекс предметов вооружения

Судя по фотографии находчика, мечи лежали на одном уровне с камнями (около 25–30 см от современной поверхности), в

нижнем слое гумуса, параллельно друг другу (рис. 2). Рукояти находились возле наиболее крупной каменной плиты, к югу от столбовой ямы №2. Относительно сетки раскопа мечи лежали по диагонали, в юго-восточной части квадрата 1 и в западной части квадрата 2. Оба меча лежали ребром, вплотную друг к другу. Судя по изгибам лезвий, мечи были согнуты в нескольких местах вместе, «пучком» (рис. 9). На рукоятях обоих клинков сохранились приспособления для подвешивания. У биметаллического савроматского меча рукоять была обмотана тонкой бронзовой лентой. Железный меч с ромбовидным перекрестьем имел на черенке два отверстия. В одно из них был вставлен бронзовый крючок, сделанный из тонкой проволоки. Данное обстоятельство говорит о том, что при археологизации на штыре рукояти отсутствовала обкладка, т.е. использование меча по прямому назначению было невозможно.

Железный чекан располагался также вплотную к мечам, у окончаний их клинков. Обух чекана был обмотан проволокой из желтого металла (золота?). Проволока довольно длинная, это позволяет думать, что чекан в подвешенном состоянии занимал то же положение, что и в момент находки – на уровне последней трети клинков мечей.

По сообщению находчика, бронзовая фигурка птицы найдена около рукоятей мечей. Это подтверждается тем, что недостающий фрагмент фигурки (часть левой ноги) найдена при раскопках в указанном месте (отм. – 37, т.е. 27 см от современной поверхности).

Описание металлических предметов из святилища

1. Железный цельнометаллический чекан имеет открытую втулку, яйцевидной формы в профиле (рис. 10–12). Примерно по средней части втулки проходит валик, выше которого изображены две фигуры (по одной с каждой стороны) кошачьих хищников, лежащих или припавших к земле. Поверх этих фигур, по верхней кромке втулки, нанесен веревочный орнамент. Ниже валика нанесен орнамент в виде тонких спиралевидных рельефных линий. Боек стержневидный, округлый в сечении, с четырехгранным острием. У основания бойка видны следы резного орнамента, аналогичные орнаменту нижней части втулки. В нижней части бойка, в месте соединения с втулкой, расположена головка хищной птицы (грифона?). Обух выполнен в

виде фигуры припавшего к земле кошачьего хищника. В центре фигуры хищника, между передними и задними лапами – отверстие. В это отверстие продета проволока, за которую был подвешен чекан. В нижней части обуха – впадина подпрямоугольной формы.

Все детали зооморфных изображений и орнамент на чекане хорошо проработаны. Позы животных, части и элементы изображений хорошо читаются. На втулке хищника изображены с опущенной головой. Прекрасно видны округлые уши, миндалевидные глаза, открытая пасть с клыками. На лапах четко выражены когти. Рельефность тела подчеркнута несколькими линиями в области плеча, поясницы и задних лап. Длинный хвост закручен на конце в небольшую спираль.

Еще более выразительна скульптурная фигура хищника, являющаяся обухом чекана. Морда хищника вытянута вперед, округлые уши и глаза преданы рельефными завитками, небольшой складкой обозначен нос. Пасть широко разинута, в ней изображены мощные длинные клыки. Передние зубы хищника плакированы прямоугольной пластинкой металлической (золотой?) фольги. На лапах четко видны когти. Тело украшено тонкими спиралевидными рельефными линиями, аналогичными орнаменту на втулке. Хвост длинный, с завитком на конце. Головка птицы под бойком также хорошо проработана. Четко выделяется округлый глаз, изогнутый клюв, «уши» и небольшая «бородка».

Размеры чекана: общая длина 250 мм, длина бойка 132 мм, диаметр бойка у основания – 20 мм, диаметр бойка у конца – 15 мм; высота втулки 45 мм, верхний диаметр втулки (наибольший) – 27 мм, нижний диаметр втулки (наибольший) – 32 мм; длина обуха 83 мм, сечение обуха (наибольшее) – 33×20 мм.

Данное изделие уникально по своему оформлению, точных аналогий в современной литературе нам не известно. В первую очередь, это относится к серии прикамских чеканов, где встречаются либо цельнолитые бронзовые, либо биметаллические изделия (железный чекан известен в одном экземпляре), а главное – отсутствуют богато орнаментированные образцы (Кузьминых, 1983, с. 135–138). Это обстоятельство не позволяет считать рассматриваемый чекан продуктом местного производства и заставляет обратиться к материалам из других регионов.

Ряд деталей акбердинского чекана позволяют встроить его в систему представлений современных исследователей о данном виде оружия. Наиболее часто встречаемой и характерной деталью является головка хищной птицы под бойком. Она стала основанием для выделения отдельного типа этого вида оружия (Курочкин, Субботин, 1993). «Первичным очагом зарождения и распространения» чеканов этого типа Г.Н. Курочкин и А.В. Субботин считают территории Хакасии (ареал тагарской культуры) и Тувы (Курочкин, Субботин, 1993, с. 59–60). Прикамье они, вслед за Н.Л. Членовой (Членова, 1981, с. 7), считают вторичным очагом распространения чеканов (Курочкин, Субботин, 1993, с. 60). Формирование прикамского очага данные авторы относят к VII–VI вв. до н.э. (Курочкин, Субботин, 1993, с. 61).

В центральноазиатском очаге распространения чеканов наиболее представительная их серия происходит из памятников тагарской культуры. Одна из последних сводок насчитывает 370 экземпляров (Субботин, 2014, с. 59). Такой объем выборки позволяет сделать довольно определенный вывод о том, что акбердинский экземпляр не связан своим происхождением с тагарскими чеканами. Подавляющая часть тагарского оружия изготавливалась из бронзы, железные чеканы были редкостью. По данным Н.Л. Членовой также следует, что вместе с железными чеканами в тагарскую среду проникает и традиция изображения на них хищников (Членова, 1967, с. 37). На собственно тагарском оружии если и имелись зооморфные мотивы, то они были представлены изображениями козлов и оленей (Субботин, 2014, с. 49).

Наиболее близкие по форме и материалу чеканы были встречены при раскопках кургана Аржан-2 в 2000–2004 гг. Из аржанского комплекса происходит три чекана, один из которых железный (Cugunov, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 27,2) и два бронзовых (Там же, taf. 95, 1; taf. 101, 1). Железный чекан из Аржана-2 имеет ряд сходных черт с акбердинским, например, втулка имеет примерно те же размеры и форму сечения. Оба изделия объединяет также и то, что они полностью орнаментированы. Орнамент верхнего края втулки аржанского чекана напоминает орнаментальный мотив акбердинского образца. Совпадает также форма бойка и наличие под ним

головы птицы. Сближает их и техника плакировки железа золотой (?) фольгой. Также отметим, что плакированный золотом железный чекан происходит из наиболее богатой могилы кургана Аржан-2. Факт нахождения в богатой могиле царского кургана подчеркивает престижность подобного типа оружия для древнего населения. Причем понятие «престижности», видимо, связано не только с материалом отделки изделия (инкрустация золотом), но и наличием зооморфных или иных изображений на оружии. С этим, вероятно, связана редкая встречаемость зооморфных деталей на рассматриваемом типе оружия.

Для данного погребения получена серия радиоуглеродных дат, которая позволяет отнести захоронение к середине – концу VII в. до н.э. (Евразия..., 2005, с. 86). Вероятно, этим же временем можно датировать и акбердинский чекан. Как уже отмечалось, оба образца сближают такие черты как размеры и форма втулки, а также отсутствие отверстия на втулке для крепления к древку. Эти признаки, по мнению К.В. Чугунова, имеют хронологическое значение (Чугунов, 2001, с. 175). Такая деталь как наличие отверстия для подвешивания на обухе также говорит о ранней дате, так как этот признак характерен для чеканов раннетагарского периода (Шульга и др., 2009, с. 149).

Изображения кошачьих хищников на чеканах встречаются в памятниках Тувы и Алтая скифского времени. В частности, можно упомянуть бронзовый чекан с головой хищника на обухе из кургана 24 у горы Бош-Даг в Туве (Маннай-оол, 1970, рис. 8: 2), который датируется в пределах V–III вв. до н.э. (Богданов, 2006, с. 93). Манера передачи черт животного (глаза, уши и др.) на этом чекане близка акбердинскому образцу. Довольно близка фигура хищника на обухе чекана из могильника Уландрык-3 (Горный Алтай) (Кубарев, 1987, табл. LVIII: 7). Здесь, как и на акбердинском, изображен припавший к земле кошачий хищник с вытянутой вперед мордой и оскаленной пастью. Отличается материал изготовления – бронза, а также стилистические особенности в изображении животного. Комплекс, из которого происходит чекан, датирован с помощью радиоуглеродного метода IV в. до н.э. (Кубарев, 1987, с. 132). Примечательна также серия чеканов из Новотроицкого могильника (Алтай). Здесь на ряде изделий обух оформлен в виде зооморфных

и антропоморфных изображений. Наиболее близок к акбердинскому чекан из кургана 18 (Шульга и др., 2009, рис. 87). На новотроицком тоже железном образце обух оформлен в виде фигуры животного, тип которого трудно определить из-за неудовлетворительной сохранности. Однако есть характерная черта, сближающая его с акбердинским – наличие сквозных отверстий на обухе. Все указанные аналогии датируются в рамках VI–IV вв. до н.э., то есть по времени они позже аржанского чекана. Таким образом, украшение чеканов изображениями кошачьих хищников хоть и редко, но встречается в Туве и на Алтае. Эта традиция существовала здесь длительное время, а изображения развивались в целом в рамках и по канонам скифо-сибирского звериного стиля (Богданов, 2006, с. 91, 93; Черемисин, 2008).

Таким образом, по морфологическим особенностям акбердинский чекан можно датировать второй половиной VII в. до н.э. Зооморфное оформление чекана сближает его с образцами из Тувы и Алтая, что указывает на исходную территорию формирования подобного типа вооружения. Более того, акбердинский чекан, на наш взгляд, выступает одним из ранних предметов этого круга.

Близость акбердинского чекана с аржанским также позволяет поставить вопрос о способе его изготовления. Более чем удовлетворительная сохранность акбердинского экземпляра позволила увидеть тонкую проработку и изящество деталей орнамента втулки, а также скульптуры хищника на обухе. Подобную детализацию чрезвычайно трудно (если вообще возможно!) выполнить с помощью холодной механической обработки железа. На примере железного кинжала из Аржана-2 Р.С. Минасяном предложена версия о производстве железных кинжалов с рельефными зооморфными изображениями из Минусы, Тувы и Алтая с помощью техники литья (Минасян, 2014, с. 94–98). Возможно, аналогичным образом был изготовлен и акбердинский чекан.

2. Биметаллический меч савроматского типа (рис. 9: 2; 13). Общая длина меча 109 см, длина железного клинка 95,3 см, длина рукояти 7 см, ширина рукояти 26 мм, толщина рукояти 13 мм, ширина клинка 41 мм, с нижней трети плавно сужается, толщина клинка 6 мм у перекрестья, 5 мм на основной части и 3,5 мм – в нижней трети.

Лезвия клинка параллельные, в центре его прокованы широкие доли, дополнительной двусторонней проковке подвергнута кромка, конец клинка в сечении линзовидный. Клинок меча покрыт равномерным темно-малиновым налетом от его пребывания в огне³, также имеет 3 хорошо фиксируемых места изгибов, на нижнем из которых поверхностный слой металла разрушен и осыпается. Вся рукоять вместе с перекрестьем и навершием отлита из бронзы, поверхность ее бугристая, покрыта серо-зеленой патиной. Перекрестье бабочковидной формы, его размеры 80×27–32 мм, толщина 13–16 мм, сечение близкое вытянутому ромбу, через центр проходит ребро. Рукоять в сечении овальная, через центр с обеих сторон проходят два параллельных желобка, отчего рукоять может быть названа трехчастной. На одной из боковых сторон по рукояти проходит глубокая трещина, в которой видны железные окислы. Навершие от рукояти отделено рельефным валиком – колодкой. Размеры навершия 60×30 мм, выполнено в виде двух обращенных друг к другу голов грифонов с соединенными загнутыми клювами. Изображения очень грубые, как бы смазанные, однако прослеживается восковица над клювом, глаз и щека, выполненные полугорошинами. Сквозные отверстия в центре загнутого клюва сформованы при литье геометрически правильными цилиндрическими вставками.

Данный меч относится к наиболее западному варианту кочевнического клинкового оружия скифского времени с так называемыми грифовыми навершиями (Исмагилов, 1980; Денисов, Мышкин, 2008; Денисов, 2010). Всего их на Южном Урале и прилегающем участке Средней Волги известно около 15 экземпляров, половина из них – случайные находки. Все они железные. Для них характерны бабочковидные (различных вариантов) перекрестья, колодки под навершием, двутавровая или трехчастная рукоять и навершие в виде обращенных друг к другу голов грифонов с сильно загнутыми массивными клювами. Детализация изображений различна, на ряде экземпляров показаны выступающие уши, глаза, клювы бывают сведенными и т.д.

³ Благодарим к.и.н. С.В. Рязанова за осмотр обоих акбердинских клинков и заключение об их пребывании в огне. Ранее данная особенность была установлена им для ряда случайных находок клинкового оружия скифо-сарматского времени Южного Приуралья (Рязанов, 2006).

Изображения на навершии акбердинского меча очень схематичны, но полностью укладываются в описанный выше тип. Присутствует и такая специфическая технологическая деталь как отделение конца клюва от его основания круглыми сквозными отверстиями, прослеженная Р.Б. Исмагиловым на кинжалах из Мукачево и Альян-Тау (Исмагилов, 1980, с. 221, рис. 1: 1, 3). Наиболее вероятная дата этого типа клинкового оружия – V в. до н.э. (Денисов, Мышкин, 2008, с. 66; Денисов, 2010, с. 228). Единственная деталь, которая не характерна для мечей и кинжалов «савроматского» времени – шестигранное сечение клинка. На Южном Урале она появляется не ранее III–II вв. до н.э.

3. Железный меч с узким ромбовидным перекрестием и характерным вырезом в верхней части и клиновидным выступом в нижней (рис. 9: 1; 14). Общая длина меча 101 см, длина клинка 84,3 см, длина рукояти 15 см, ширина рукояти 16–19 мм, толщина рукояти 4 мм, ширина клинка 34 мм, к нижней трети сужается до 30 мм, толщина клинка от 5 до 4 мм. Лезвия клинка параллельные, в центре его прокованы широкие доли, дополнительной двусторонней проковке подвергнута кромка. Ширина навершия 49 мм, высота 15 мм, толщина 18 мм, сечение ромбическое. Клинок имеет 3 хорошо фиксируемых места изгибов. Все поверхности меча покрыты равномерным темно-малиновым налетом от его пребывания в огне.

В материалах кара-абызской культуры подобные образцы не встречены. Однако они хорошо известны в памятниках соседней пьяноборской культуры. Из погр. 306 Кушувского III могильника в низовьях р. Белая (Дюртюлинский район РБ) происходит длинный двулезвийный меч с бронзовым ромбовидным перекрестьем. В комплексе с мечом найдены железный наконечник копья, однолезвийный боевой нож, бронзовая бляшка, и, что наиболее важно, колчаный набор в составе шести бронзовых и одного железного наконечника стрел (Агеев, Мажитов, 1985, С. 27). Длинный меч с бронзовым ромбовидным перекрестьем также происходит с территории Ново-Сасыкульского могильника (кв. 19/С) (Васюткин, Калинин, 1986, с. 115).

Уникальный меч с орнаментированным медным перекрестьем происходит из погребения 68 Камышлы-Тамакского могильника (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 8: 1; Зубов,

Саттаров, 2014, рис. 2: 3). К сожалению, несмотря на представительность комплекса, в нем отсутствует колчаный набор и другие хроноиндикаторы (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, с. 57). Косвенно о синхронности этого погребения с комплексом из Кушулево III может свидетельствовать нахождение его в окружении погребений со смешанными колчанными наборами (железо–бронза–кость) (Агеев, 1993, с. 70).

Представительный комплекс с длинным мечом с бронзовым ромбическим перекрестием происходит из Кипчаковского I кургано-грунтового могильника, где он встречен со смешанным колчанным набором (железо–бронза) (Зубов, Саттаров, 2014, рис. 2: 2).

Таким образом, в пьяноборских некрополях Нижней Белой мечи рассматриваемого типа откладывались в период сосуществования в колчаных наборах бронзовых и железных наконечников стрел. По раннесарматским материалам этот период датируется III–II вв. до н.э. (Смирнов, 1989, с. 173; Скрипкин, 1990, с. 139). С.Э. Зубов и Р.Р. Саттаров при анализе колчаных наборов Кипчаковского I могильника соглашаются с мнением ряда исследователей – сарматоведов о полном исчезновении бронзовых наконечников из сарматских колчанов на рубеже II–I вв. до н.э. (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214). Авторы приходят к выводу о более длительном использовании бронзовых наконечников в пьяноборских древностях. Полную смену бронзовых наконечников на железные в пьяноборских древностях они относят к середине – второй половине I в. до н.э., т.е. в среднем на 50 лет позже чем у сармат (Зубов, Саттаров, 2018).

Таким образом, появление мечей китайского (ханьского) облика в памятниках пьяноборской культуры можно отнести ко второй половине I в. до н.э. Эта дата не противоречит выводам А.С. Скрипкина о появлении данного вида оружия у сарматов не ранее II–I вв. до н.э. (Скрипкин, 2010, с. 202). Ему же принадлежит замечание о том, что перекрестия мечей из памятников Нижней Белой «абсолютно идентичны китайским» (Скрипкин, 2010, с. 199). По данным Ли Джи Ын, длинные мечи с фигурными нефритовыми и металлическими перекрестиями, в том числе орнаментированные, возникли в эпоху ранней Хань, возвышение которой относится ко II в. до н.э. (Ли Джи Ын, 2010, с. 64, 168).

Из всего этого можно сделать вывод, что мечи из нижебелеских памятников являются одной из ранних групп подобного оружия к западу от Уральских гор. Об этом также говорит ряд особенностей меча из Камышлы-Тамака. Первая особенность – бронзовое орнаментированное перекрестие (Зубов, 2007, рис. 1: 9; Зубов, Саттаров, 2014, рис. 2: 3). Нанесение орнамента на перекрестие продолжает китайскую традицию украшать мечи орнаментированными нефритовыми деталями, в том числе и перекрестия (Ли Джи Ын, 2010, табл. 32: 3, 11; 33: 14–15). Это является, в свою очередь, продолжением традиции циньского периода, когда цельнометаллические мечи из бронзы также имели орнаментированные перекрестия схожей формы (Ли Джи Ын, 2010, табл. 47–48). Другая особенность камышлы-тамакского меча – качество клинка. В отличие от синхронных сарматских и пьяноборских мечей он имеет исключительную упругость – при усилии на изгиб меч легко гнется и затем возвращается в исходное состояние. На этом основании можно с большой долей вероятности говорить о том, что он изготовлен непосредственно в Китае или китайскими мастерами за его пределами.

Факт более раннего появления «ханьских» мечей в пьяноборской среде относительно степных памятников подтверждается также выводами В.Н. Васильева. Им приведена территориально наиболее близкая подборка «китайских мечей» из Урало-Поволжья (Васильев, 2013). В отличие от пьяноборской, она не столь однотипна, и датируется, по мнению автора публикации, не ранее рубежа эр (Васильев, 2013, с. 65).

2–3. Общими признаками для обеих мечей является форма и профиль клинков, имеющих параллельные лезвия с тремя ребрами и двумя долами. Такая форма клинка получена путем особой обработки линзовидной в сечении заготовки (см. рис. 9: 1 – сечение 4; 9: 2 – сечение 5), при которой, кроме центрального ребра, полученного при ковке долов, образуются еще два при проковке лезвий. Для биметаллического экземпляра с рукоятью савроматского типа такое сочетание совершенно нехарактерно (если не сказать невозможно) – для савроматских клинков типичны клинки ромбовидного либо линзовидного сечения (см. напр. Исмагил, 2001, табл. 1–2). Для мечей же «ханьского» типа такая форма клинка не является редкостью, как и для

других типов клинкового оружия Китая (Ли Джи БИ, 2010, табл. 45: 1, 4; табл. 47: 1–6; 49: 1–6; Скрипкин, 2010, рис. 3: 1, 4, 10–11).

Апеллируя к более чем внушительному корпусу находок клинкового оружия ранних кочевников Урала и Поволжья, можно достаточно уверенно говорить о том, что целенаправленное создание двух широких долов и проковка лезвий появились только на части «классических» прохоровских клинков (Исмагил, 2001, табл. III: 22; IV: 32, 34–38; V: 39–48), т.е. не ранее III–II вв. до н.э. Эти данные позволяют предполагать (пока – без металлографического анализа), что на клинок, сделанный по китайскому образцу, был «налита» бронзовая рукоять савроматского облика. Данная технология изготовления биметаллических мечей на Южном Урале являлась широко распространенной (см. напр. Таиров, 2011, с. 163). То есть, несмотря на видимые различия в типологии и хронологии, «более ранний» меч мог быть создан по образцу «более позднего» экземпляра, вероятно – для ритуального использования. Также характерно, что на обоих клинках полностью отсутствуют следы заточки, а верхняя четверть клинков имеет совершенно тупое лезвие (см. рис. 9: 2 – сечение 1).

Преднамеренная порча зафиксирована более чем на 50% случайных находок мечей и кинжалов ранних кочевников Южного Урала, в том числе среди них известны экземпляры с сильно погнутым клинком (Савельев, 2016, с. 248–249, рис. 2: 2). Единично известен случай сварки ранее сломанного клинка, при котором также были обрублены выступающие края перекрестья, после чего данный экземпляр был использован в культовой деятельности (Терехова, 2011, с. 73–74, рис. 1: 17). Также известен длинный меч III–II вв. до н.э., у которого железные навершие и перекрестье были заменены на бронзовые (Измайлов, 2015, с. 326–327, рис. 1). Возможно, что клинок у него также был согнут. Приведенные данные свидетельствуют о не случайности повреждения акбердинских мечей, и в целом, о распространенности различных манипуляций с клинковым оружием в скифо-сарматское время. Это выражалось, в том числе, и в создании очень своеобразных «усовершенствованных» «конструктов», например, на скифском акинаке V века до н.э. из могильника Артющенко-2 (Тамань) железное навершие было заменено

на совершенно уникальное бронзовое (Ворошилов, Кашаев, 2011, рис. 2).

4. Бронзовая фигурка птицы (рис. 15, 16). Общая высота фигурки 98 мм, размах крыльев 36 мм, длина ног 49 мм. Относительно туловища статуэтка имеет довольно крупную голову. Клюв широкий, уплощенный с горбинкой. Крылья изображены в полусложенном виде, выступают по бокам, хвост короткий плоский, подпрямоугольной формы. Ноги длинные, более половины высоты фигурки. На середине длины ног выделены утолщения, которые, вероятно, передают коленные суставы, такие же утолщения в нижней части соответствуют суставам стоп. На каждой ноге показано по три пальца, перепонки между ними отсутствуют, чуть выше нижнего утолщения с задней стороны ног – еще один палец. По данному признаку птицу можно идентифицировать как большую выпь (лат. *Botaurus stellaris*), относящуюся к семейству цаплевых (*Ardeidae*). Фигурка полая. Широкое отверстие имеется в нижней части головы, другое отверстие, более узкое – над хвостом.

Аналогий данному изделию в Волго-Уральском регионе нами не встречено, хотя изображения птиц не являются редкостью в древностях Волго-Уральского региона (Чемякин, Кузьминых, 2011). От волго-уральских орнитоморфных изображений акбердинская фигурка птицы отличается как нехарактерной для региона позой (сложенные крылья, стоящая на длинных лапах), так и технологией изготовления. Фигурка фактически представляет собой полое скульптурное изображение, для изготовления которого требуется более сложная технология, нежели та, что использовалась в урало-поволжских культурах (Чемякин, Кузьминых, 2011, с. 45).

По нашему мнению, данная фигурка не могла быть изготовлена в Урало-Поволжье и, соответственно, аналогии нужно искать за его пределами. Похожие изображения происходят из памятников пазырыкской культуры. Здесь скульптурные изображения птиц служили украшениями женских и мужских головных уборов (Черемисин, 2008, табл. XXXII: 1–3). Часть из них автор интерпретирует как изображение журавлиных. Акбердинскую фигурку и пазырыкские изображения сближает объемность и поза – птицы, стоящие на вытянутых ногах, с выступающими по бокам (в т.ч. и расправленными) крыльями.

В целом, учитывая даты самой ранней (чекан) и самой поздней (меч ханьского типа) вещи, рассмотренный комплекс вещей «собирался» на протяжении VII–VI вв до н.э. – рубежа эр.

Обсуждение результатов

Представленные материалы свидетельствуют о том, что комплекс металлических вещей (мечи, чекан, фигурка птицы), состав прочих находок, скопление каменных плит и две столбовые ямки являются остатками древнего ритуального сооружения. Последнее можно реконструировать следующим образом: центральным объектом являлся столб(ы) или идол(ы), на одном из них были подвешены предметы вооружения (два меча и чекан), вокруг него находилась каменная вымостка или пирамидка. Само святилище располагалось на краю площадки укрепленного поселка, у склона мыса. Реальные его размеры и состав нам не известны, так как раскопом 2017 года вскрыта только его часть.

Судя по находкам, святилище не могло возникнуть ранее рубежа II–I вв. до н.э. и существовало оно очень краткий промежуток времени. В какой-то момент святилище было разрушено. Мечи одномоментно и совместно были погнуты в нескольких местах и положены (вероятно, они были зарыты на глубину 5–10 см) в том же положении, что они находились и в подвешенном состоянии. Возможно, часть сооружения была сожжена, о чем может свидетельствовать наличие зольного пятна к югу от ямы 1. Каменная конструкция была также разрушена, камни хаотично разбросаны на уровне древней дневной поверхности. В последующий период, после разрушения святилища, жизнь на поселении продолжалась. Об этом говорят культурные отложения поверх руин святилища. При этом сами остатки ритуальной площадки более не подвергались никакому вмешательству.

Использование клинкового оружия в структуре святилища и последующее его ритуальное уничтожение (сожжение?) наводит на параллель с известным сюжетом Геродота о поклонении скифов древнему мечу (Алексеев, 2011, с. 61). Недавно одному из авторов удалось наметить связь обряда, описанного Геродотом, с конкретными археологическими реалиями. Речь идет о многочисленных случайных (происходящих не из погребальных памятников) находках мечей и

кинжалов, сосредоточенных в Южном Приуралье (Савельев, 2018). Автор связывает их с ритуальными действиями, проводившимися в окрестностях летних кочевков ранних номадов Приуралья (Савельев, 2018, с. 29).

От известных в степи Акбердинское святилище имеет ряд существенных отличий: не один меч, а два, присутствие чекана и скульптурного изображения птицы. Само святилище расположено на городище оседлого населения. Однако места находок мечей и кинжалов никогда не подвергались полноценному археологическому обследованию. Поэтому мы не знаем, какие еще следы ритуальных действий можно было бы обнаружить на месте находок клинкового оружия. Так же нужно учитывать и тот факт, что население Акбердинского II городища было смешанным, часть его (носители гафурийского культурного типа) была связана своим происхождением с сарматами Южного Приуралья. Поэтому, вполне можно предположить, что какие-то степные культы проникли и закрепились в среде кара-абызского населения.

Кроме наличия «антикварного» оружия (железный чекан и подражание савроматскому мечу) и следов ритуального уничтожения святилища, еще ряд черт сближает этот объект с верованиями и ритуалами скифо-сарматского мира. У Геродота есть упоминания о гаданиях, которые совершались в момент проведения ритуальных действий (Алексеев, 2011, с. 64). Как упоминалось выше, на площадке святилища было найдено большое количество альчилов и бабок овцы, которые, как известно, в древности использовались для гаданий и игр. Целые наборы этих «игральных» костей известны как в погребениях кара-абызской культуры, так и в погребениях сарматов. Находка фигурки птицы на святилище напоминает о скифском обычае размещать изображения птиц на навершиях и ритуальных столбах (Переводчикова, Раевский, 1981).

Таким образом, Акбердинское святилище на данный момент является первым объектом, исследованным в соответствии с современной археологической методикой, где проявляются следы поклонения «древнему» оружию, аналогичные бытовавшему в скифо-сарматской среде. Также данные этого исследования свидетельствуют, что в среде кара-абызского населения практиковались культы и верования, заимствованные из кочевой среды.

В частности, можно с большой долей уверенности говорить о существовании в кара-абызском пантеоне некоего божества, связанного с культом оружия и войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. 139 с.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А.* Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Препринт. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1985. 40 с.
- Алексеев А.Ю.* Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину / Отв. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 61–66.
- Бахшиев И.И., Савельев Н.С.* Селище Зинино-1 – новый памятник эпохи раннего железа – раннего средневековья в среднем течении р. Белая // Уфимский археологический вестник. Вып. 13. 2013. С. 104–115.
- Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
- Васильев В.Н.* Китайские мечи Урало-Поволжья и Юго-Восточного Приаралья // УАВ. Вып. 13. 2013. С. 63–67.
- Васюткин С.М., Калинин В.К.* Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Уникальный биметаллический акинак из некрополя Артющенко-2 // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. С. 54–62.
- Денисов А.В.* Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. 15 / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: ООО «Офорт», 2010. С. 222–231.
- Денисов А.В., Мышкин В.Н.* Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII–IV вв. до н.э. // НАВ. 2008. Вып. 9. С. 62–75.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г.И. Зайцева, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеев, К.В. Чугунов, Е.М. Скотт. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Зубов С.Э.* Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI междунар. Конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 124–133.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р.* Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 13. С. 314–320.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р.* Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГСПУ, 2018. С. 210–214.
- Измайлов И.Л.* Меч раннесарматского времени из Икско-Зайского междуречья // Поволжская археология. 2015. №2(12). С. 326–332.
- Исмагилов Р.Б.* Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980. № 1. С. 219–227.
- Исмагил Р.* Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. Вып. 3. С. 117–147.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 301 с.
- Курочкин Г.Н., Субботин А.В.* Боевые чеканы (клевецы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира: к проблеме происхождения и распространения // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III-го археологического семинара. Часть II / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества, 1993. С. 59–64.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 258 с.

Ли Джи Ын. Китайский импорт в памятниках юга России (I в. до н.э. – III в. н.э.). Дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 329 с.

Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. 3 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1968. С. 38–58.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: ГЭ, 2014. 472 с.

Овсянников В.В. Нагаевские курганы // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Министерство культуры РБ, 1995. С. 85–95.

Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014.. С. 301–310.

Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981-1986 годы. Каталог / Отв. ред. Р.Г. Мухтаров. Уфа: Башкирское отделение ВООПИК, 1988. 94 с.

Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о назначении скифских наверхий // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье / Ред. Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1981. С. 42–52.

Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. 2 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. С. 215–231.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. 5 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 215–231.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.

Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 62 с.

Рязанов С.В. Кузнечная техника савромато-сарматского клинкового оружия из Башкортостана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 137–140.

Савельев Н.С. Научный отчет об итогах археологических исследований в Иглинском районе Республики Башкортостан и Октябрьском районе Оренбургской области в 2009 году по Открытым листам № 673 (форма № 1) и 674 (форма № 2) от 19.06.2009 г. Уфа, 2010 / Архив ИА РАН.

Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 241–253.

Савельев Н.С. Находки мечей и кинжалов скифо-сарматского времени из юго-западных предгорий Южного Урала (к вопросу об освоении территории и особенностях расселения кочевников // Oriental Studies. 2018. Vol. 38. Is. 4. С. 24–31.

Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино-II) // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АГУ, 2017. С. 900–901.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. Избранные труды / Сост. Е.А. Коробкова, А.В. Белицкий. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 195–232.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 165–176.

Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб., 2014. 154 с.

Таиров А.Д. К вопросу о распространении кинжалов в бронзовыми деталями рукояти раннескифского времени // Челябинский гуманитарий. 2011. №1(14). С. 162–169.

Терехова Н.Н. Технология производства мечей и кинжалов Южного Приуралья скифского и сарматского времени // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину / Отв. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 67–92.

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. 136 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: АГУ, 2009. 329 с.

Челякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зона) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 43–74.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.

Чугунов К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине 1 тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. С. 173–178.

Cugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva / Arhaologie in Euvrasien № 26 / Steppenvolker Euvrasien. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010.

Информация об авторах:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия). atliural@yandex.ru

Савельев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); sns_1971@mail.ru

MILITARY SANCTUARY IN AKBERDINO II SETTLEMENT

V.V. Ovsyannikov, N.S. Savelyev

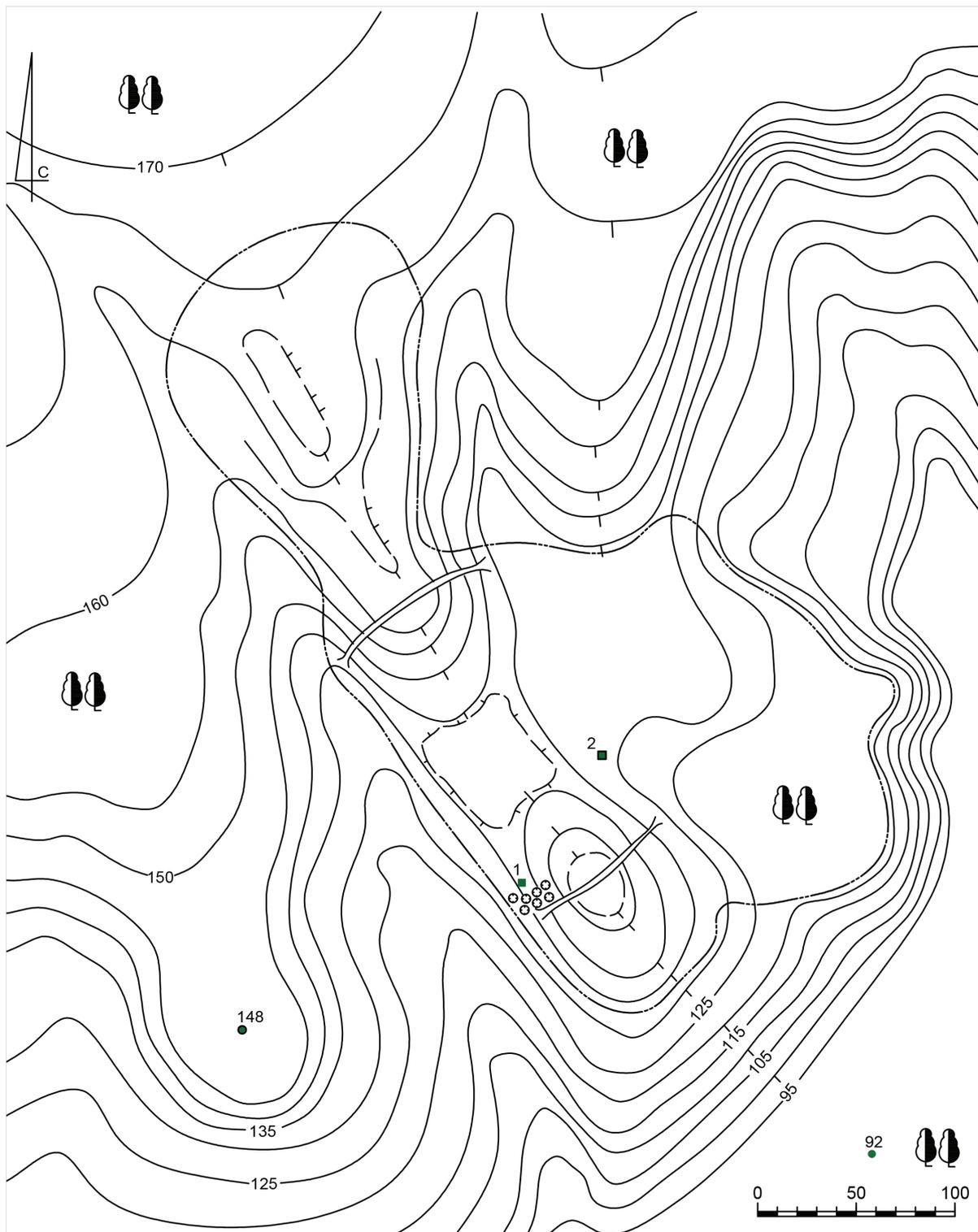
This article features the first publication of 2017 study materials on Akberdino II settlement of Kara-Abyz culture located on the right bank of the Belaya river. The remains of a sanctuary with armament items were discovered in a small excavation within the cultural layer of the settlement area. The sanctuary complex consists of two pillar pits, a ruined stone structure, two swords of the “savromat” and “han” types; an iron chisel of the “argan” type and a bronze bird figurine. The nature of the cultural layer in which the remains of the sanctuary are located and the most recent item (the “han” sword) discovered in the sanctuary suggest that the period of its operation corresponds to the turn of the historical periods. The sanctuary is interpreted as a military site used for a short period of time and deliberately destroyed for ritual purposes. This ritual closely resembles a Scythian rite of worshipping an ancient sword, described by Herodotus.

Keywords: Western Trans-Urals, Belaya region, Kara-Abyz culture, military sanctuary, settlement, chisel, sword.

About the Authors:

Ovsyannikov Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeological Research Department, Institute of History, Language and Literature, Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center (Ufa, Russian Federation); atliural@yandex.ru

Savelev Nikita S., Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sns_1971@mail.ru

Сплошные горизонталы через 5 м.
Инструментальный план 2005г. Дополнен в 2017г. норы животных шурфы — граница культурного слоя

Рис. 1. План Акбердинского II городища.

Рис. 2. Фото находок, сделанные находчиком.

Рис. 3. Акбердинское II городище. Вид на восточную часть раскопа 2017 года с юга. Фото В.В. Овсянникова.

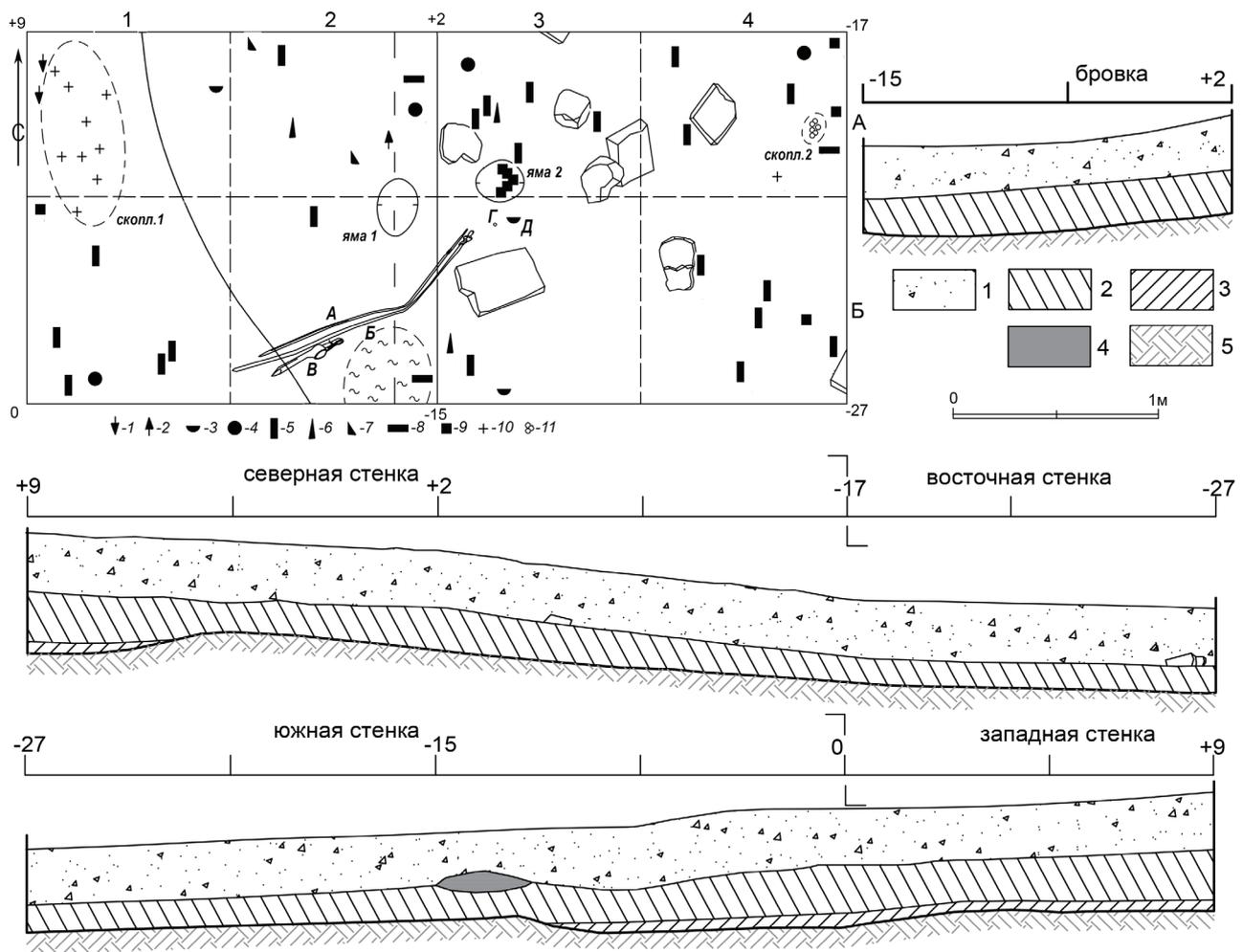

Рис. 4. Акбердинское II городище. Раскоп 2017. План и стратиграфия.

А – меч 1; Б – меч 2; В – чекан; Г – место находки фигурки птицы (условно); Д – нога от фигурки птицы. Условные обозначения. План: 1 – бронзовые наконечники стрел; 2 – железные наконечники стрел; 3 – бронзовые изделия; 4 – пряслица; 5 – альчики; 6 – костяные изделия; 7 – железные изделия; 8 – ножи; 9 – каменные изделия; 10 – глиняная обмазка; 11 – скопления створок раковин. Стратиграфия: 1 – гумус; 2 – гумусированный суглинок; 3 – предматериковый суглинок; 4 – провал; 5 – материк.

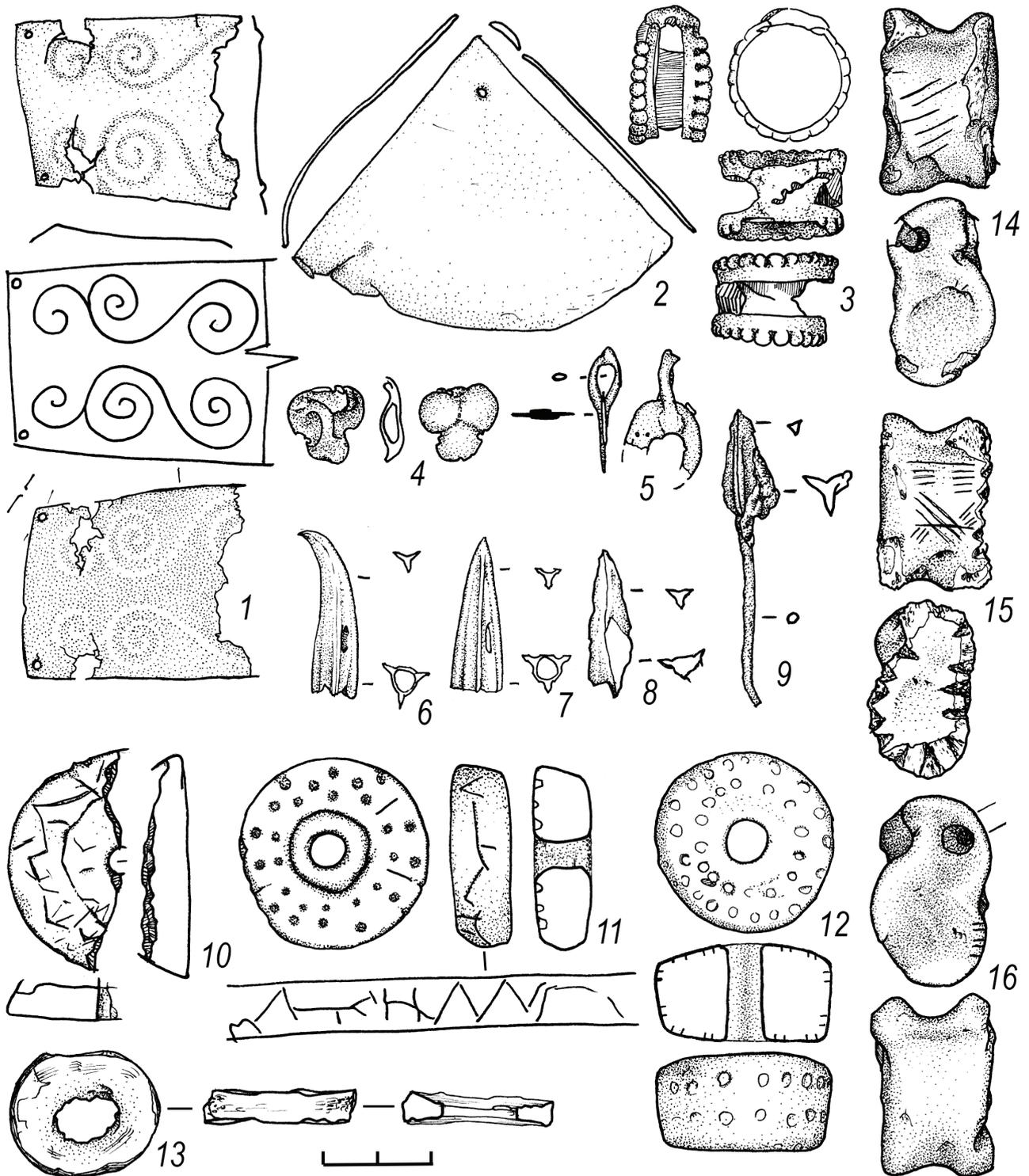

Рис. 5. Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Индивидуальные находки. 1 – нашивка; 2 – трапециевидная подвеска; 3 – перстень; 4 – бляшка; 5 – подвеска; 6-9 – наконечники стрел; 10-12 – пряслица; 13 – изделие; 14-16 – орнаментированные альчики (3-5, 9, 14 – подъемный материал; 13 – гор. 1; 1, 2, 7, 10-12, 15 – гор. 2; 6, 8, 16 – гор. 3). 1, 2, 4-7 – бронза; 3 – бронза, железо; 8, 9 – железо; 10-12 – глина; 13-16 – кость (13 – рыбий позвонок).

Рисунок У.О. Коршуновой, обработка Н.С. Савельева..

Рис. 6. Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Находки из металла. 1 – нашивка; 2-3, 6-7 – наконечники стрел; 4 – трапециевидная подвеска; 5 – перстень. (2-3,5 – подъемный материал; 1,4,7 – гор.2; 6 – гор. 3). 1, 4-7 – бронза; 2-3 – железо. Фото и обработка В.В. Овсянникова.

Рис. 7. Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Изделия из керамики.
 1-2 – пряслица; 3-8 – фрагменты лепных сосудов. (1-2 – гор. 2; 3-5 – гор.1; 6,8 – гор. 2; 7 – подъемный материал).
 Фото и обработка В.В. Овсянникова.

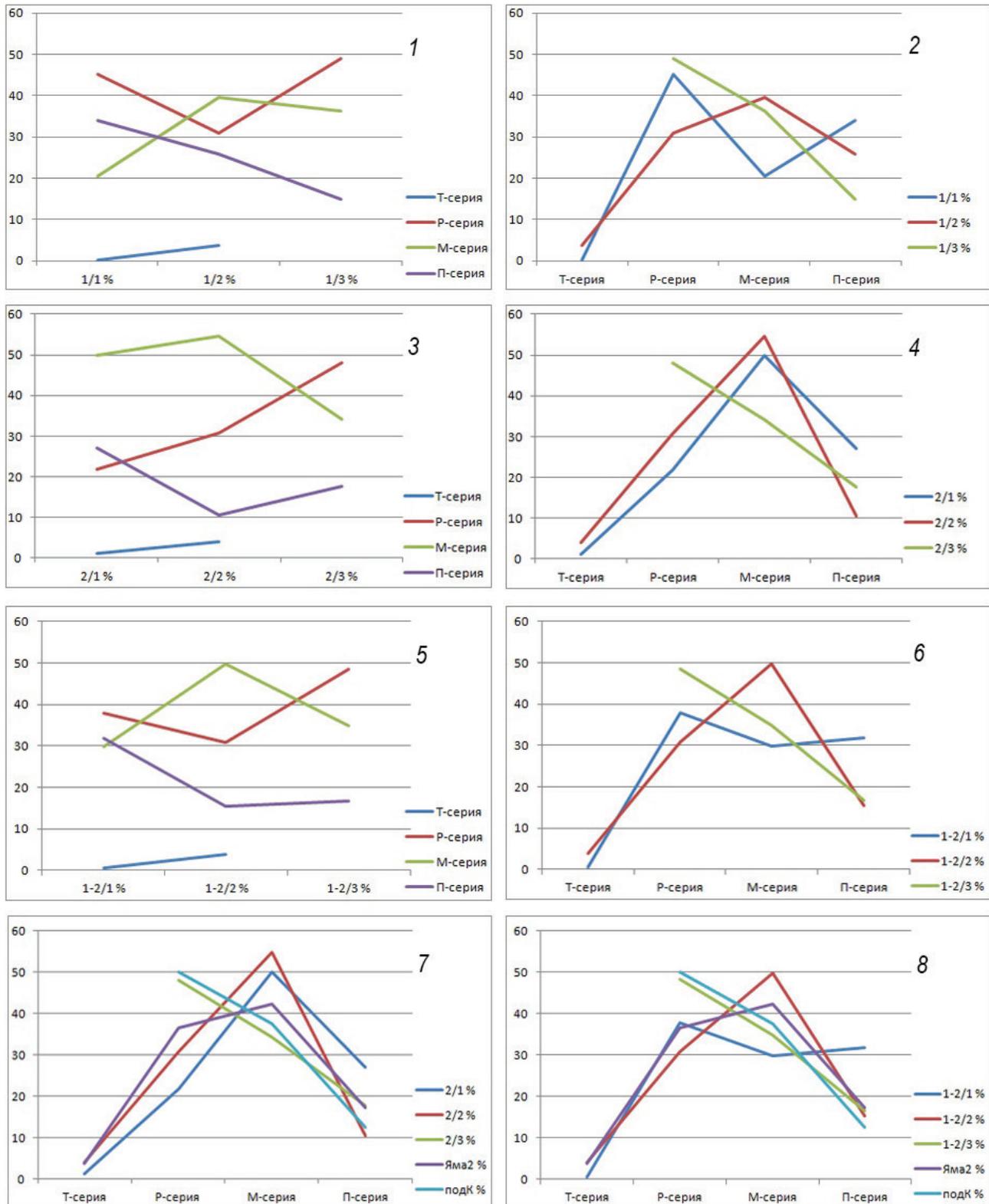

Рис. 8. Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Распределение керамического комплекса: 1-2 – кв. 1; 3-4, 7 – кв. 2; 5-6, 8 – шурф в целом. 7-8 – в т.ч. керамика из ямы 2 и из-под камней (1, 3, 5 – вертикальное распределение, «от комплекса»; 2, 4, 6-8 – горизонтальное распределение, «от горизонта»). Серии: Т – тальк; Р – раковина; М – смешанная (микс); П – песок.

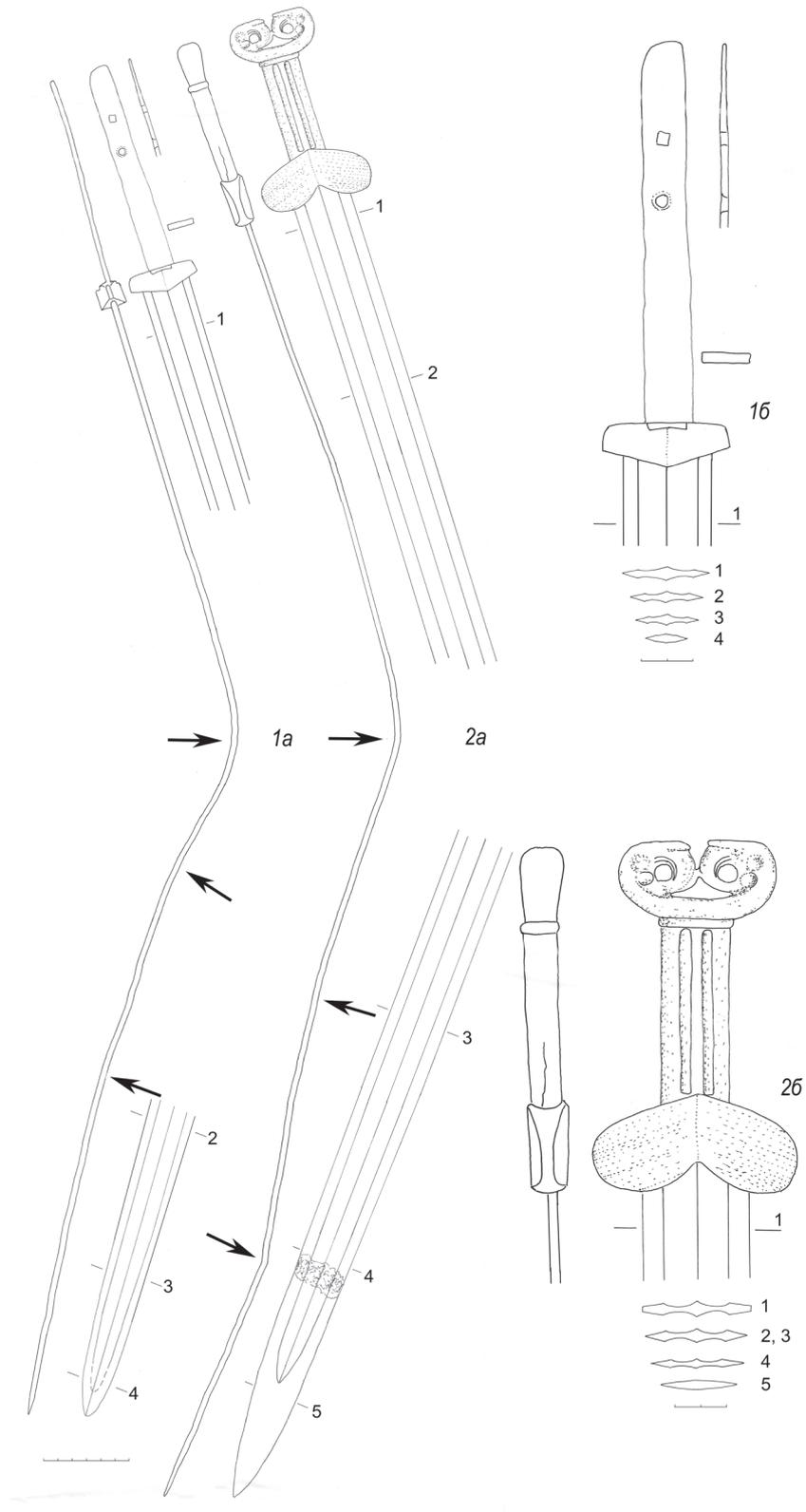

Рис. 9. Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Мечи. Общий вид, рукояти и сечения. Стрелками показаны места сгибов. Рисунок Н.С. Савельева.

Рис. 10. Акбердинское II городище. Железный чекан. Фото и обработка В.В. Овсянникова.

Рис. 11. Акбердинское II городище. Железный чекан. Детали. Фото и обработка В.В. Овсянникова.

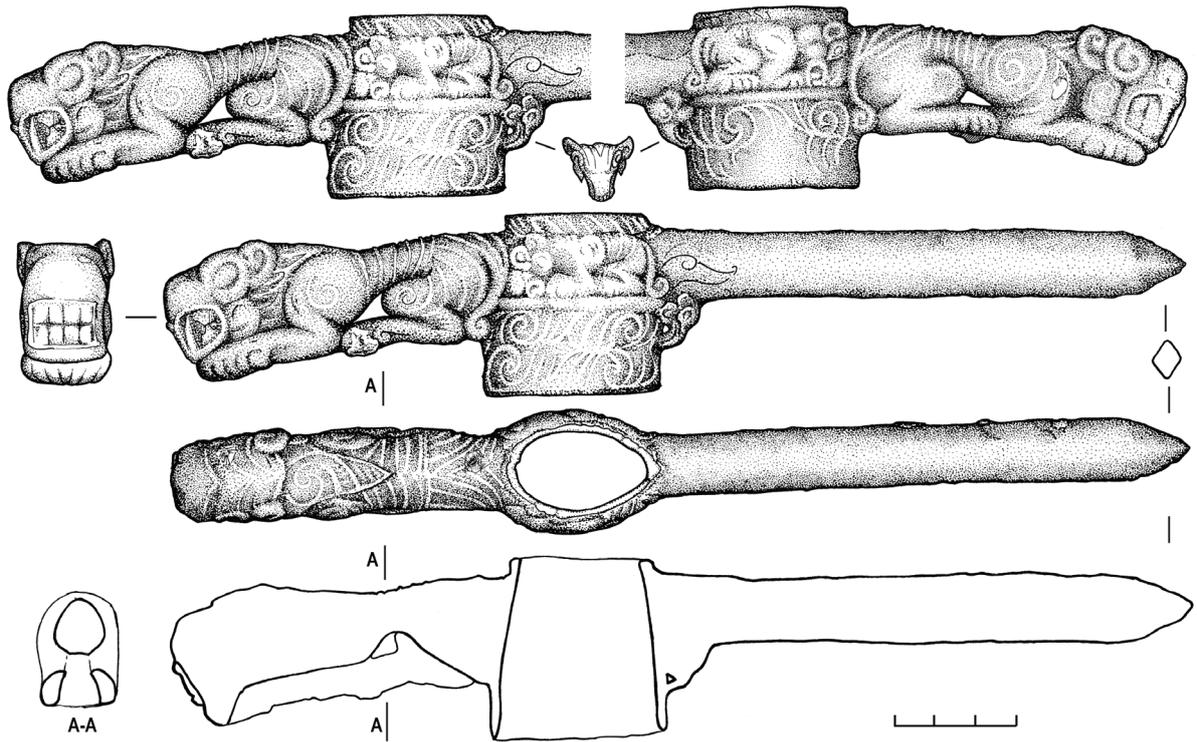

Рис. 12. Акбердинское II городище. Железный чекан. Рисунок У.О. Коршуновой, обработка Н.С. Савельева..

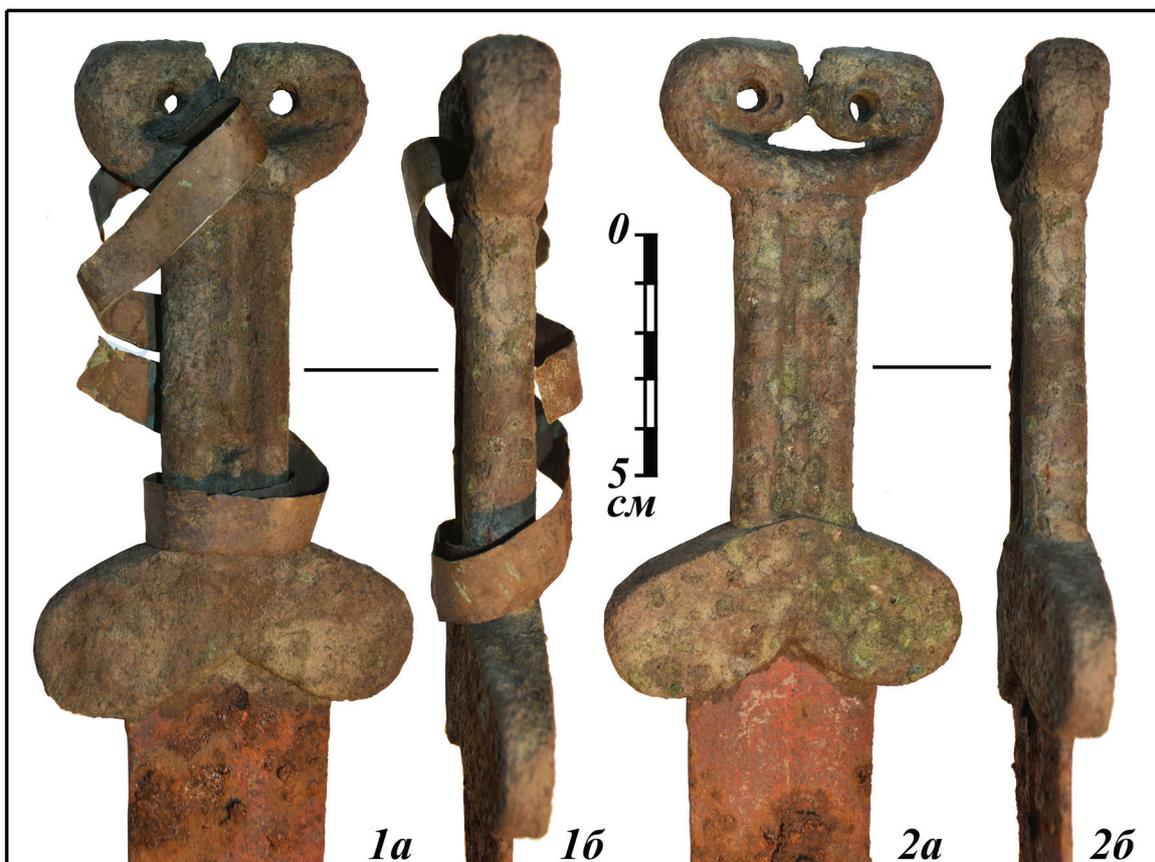

Рис. 13. Акбердинское II городище. Биметаллический меч савроматского облика. Фото и обработка В.В. Овсянникова.

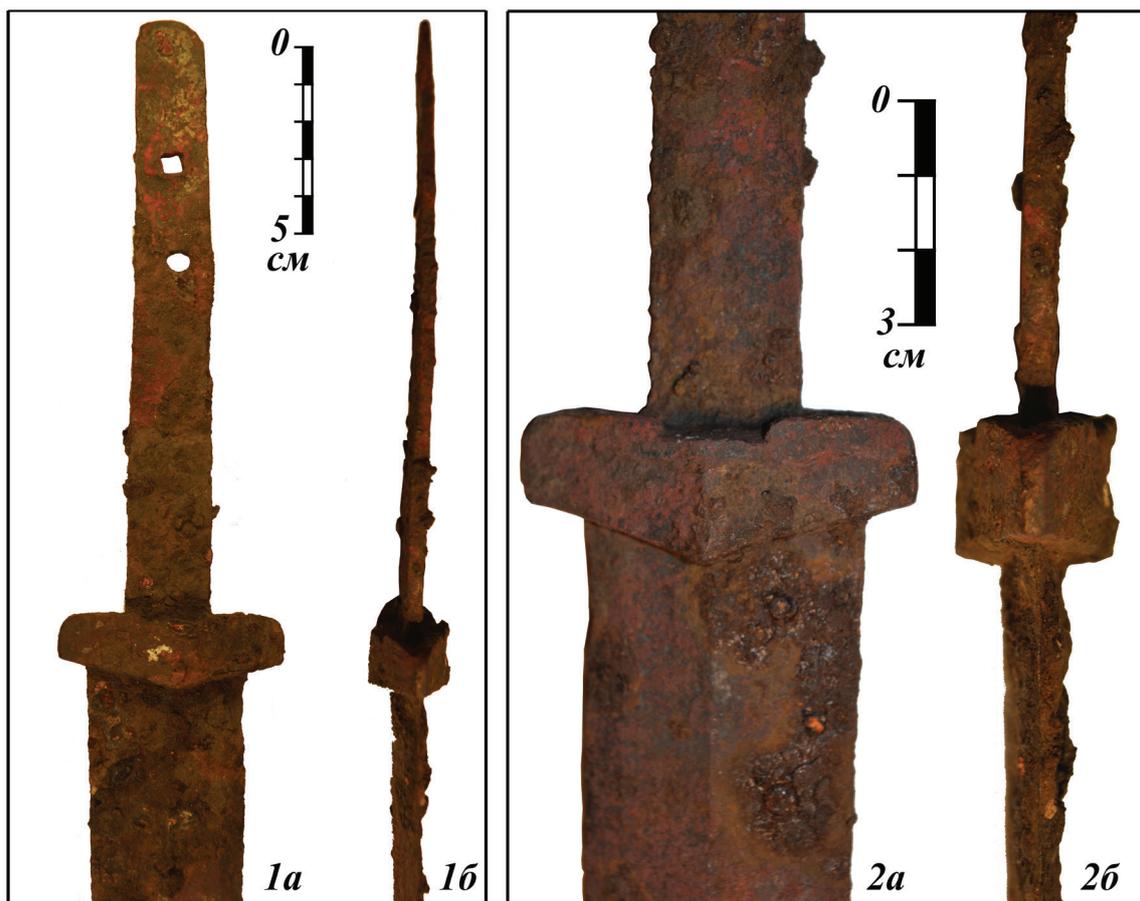

Рис. 14. Акбердинское II городище. Меч «ханьского» облика. Фото и обработка В.В. Овсянникова.

Рис. 15. Акбердинское II городище. Бронзовая статуэтка птицы. Фото и обработка В.В. Овсянникова.

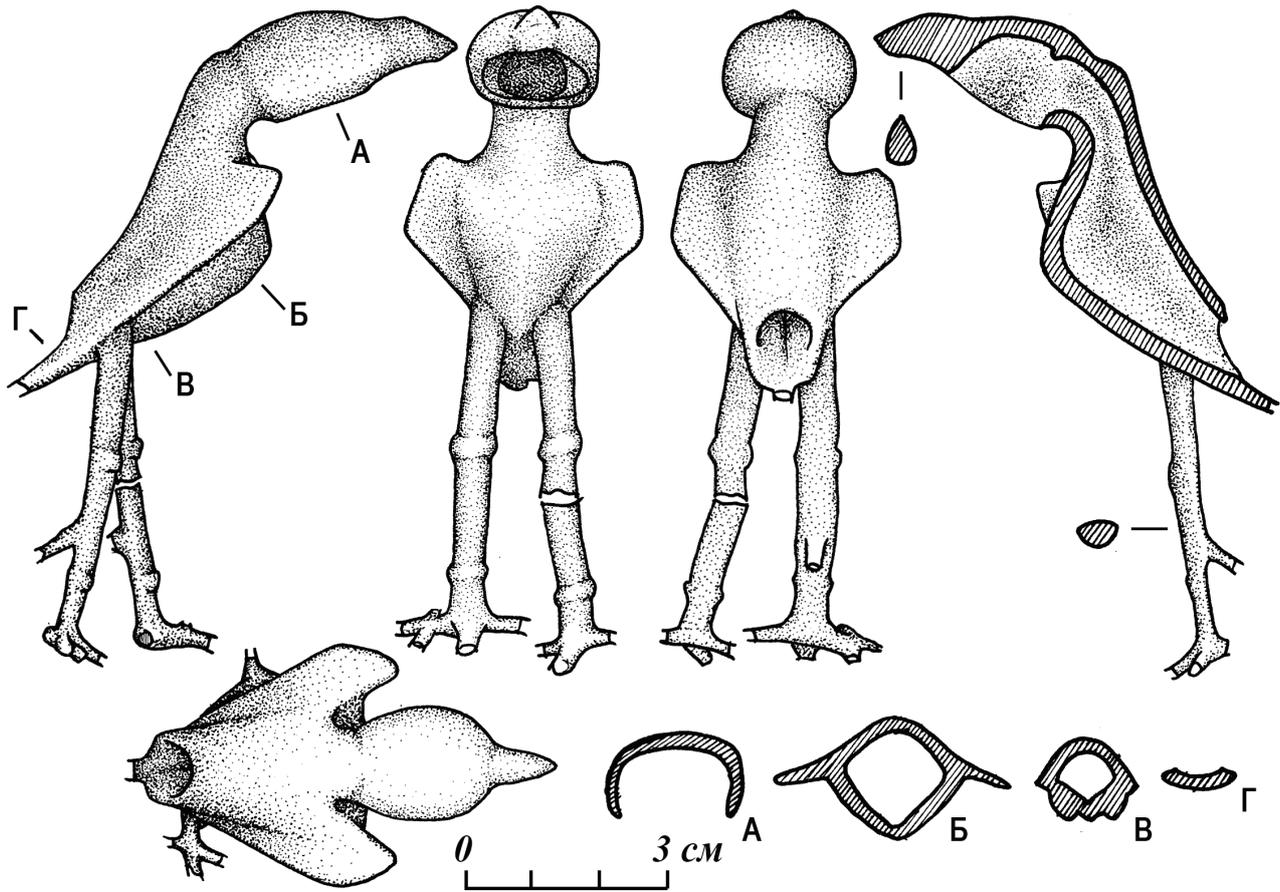

Рис. 16. Акбердинское II городище. Бронзовая статуэтка птицы. Рисунок У.О. Коршуновой, обработка Н.С. Савельева..